

приложение к первой части и дополнительное обоснование выдвинутой континентической концепции — состоит из трех очерков. Здесь рассматривается античное учение о слове — логосе (очерк первый), гумбольдтианство и современная теория лингвистической дополнительности (очерк второй) и учение А. А. Потебни о лексической семантике (очерк третий). Историко-лингвистические экскурсы посвящены отдельным, наиболее интересным этапам в истории формирования и смены философских и лингвистических идей по поводу слова какместилища знания» (с. 267); они убедительно показывают, что разработанная в рецензируемой книге «континентальная концепция не возникла на пустом месте — она является закономерным продолжением и развитием воззрений, высказанных еще в античности и высказываемых в наши дни» (с. 267).

Книга завершается послесловием, в котором, вопреки традиции, обсуждаются не выводы, а перспектива дальнейших исследований семасиологической категории лексического фона, перспективы использования предложенной континентической теории в процессе анализа семантики производных слов (при морфемном и семантическом, метафорическом словообразовании), а также говорится о возможности экстраполяции континентической теории на сферу других языковых единиц — прежде всего фразеологию и афористику.

Рецензируемая работа содержит монографическое описание новой (континентической) теории семантики «слова какместилища знаний». В книге представлена оригинальная и перспективная концеп-

ция слова. И хотя концепция эта нуждается в дальнейшей доработке отдельных ее аспектов (например, в уточнении соотношения лексического понятия и понятия логического, выявлении места эмоционально-экспрессивных коннотаций в лексической семантике и др.), — в книге описана целостная теория, имеющая философско-лингвистическую и собственно лингвистическую значимость, характеризующаяся объяснительной и прогнозирующей силой и представляющая не только теоретический интерес (как обогащающая учение о семантике слова), но и конкретный практический интерес — для перспективных исследований и для совершенствования преподавания русского языка, в частности, для совершенствования лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка иностранцам, а в ряде моментов — и для совершенствования преподавания его в национальной школе и вузе.

Хотелось бы только пожелать, чтобы при переиздании книги авторы сделали больший акцент на воспитательных возможностях лингвострановедческого материала.

Отражая теорию, вытекающую из практических задач и ориентированную на практику обучения языку, — книга с интересом будет прочитана и лингвистами широкого профиля, и лексикологами-семасиологами, и преподавателями, обучающими русскому языку не только в условиях иностранной, нерусской аудитории, но и в русской языковой среде.

Протченко И. Ф., Черемисина Н. В.

Reichl K. Categorical grammar and word-formation: The deadjectival abstract noun in English. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1982. 254 p.

Рецензируемое исследование представляет собой первую попытку применить принципы категориальной грамматики к анализу словообразовательных явлений, главным образом, к описанию английских абстрактных существительных, образованных от прилагательных. Но, как справедливо отмечает сам автор, лишь на первый взгляд может показаться, что затрагиваемая тема достаточно узка и специализирована. В книге ставится не столько задача описать с должной полнотой морфологические, синтаксические и семантические характеристики деадъективных абстрактных имен, сколько исследовать семантику и функционирование производных существительных изучаемого типа вообще. Можно поэтому сказать, что осуществляя эти задачи, К. Райхль ставит перед собой и гораздо более сложные цели: способствовать лучшему пониманию основ категориальной грамматики, осветить ее истоки, дать представление о развитии всего этого направления в современной лингвистике, сравнить грамматику Монтегю с другими аналогичными логико-синтаксическими построениями, познакомить читателя с техникой и методи-

кой лингвистического анализа в той его форме, которая используется сторонниками так называемой формальной семантики, и т. п.

В книге ясно очерчиваются разные области исследования — область анализа категориальных грамматик в их разных версиях, область анализа теоретических основ словообразования и, наконец, область анализа самих изучаемых имен. В этом смысле каждую из четырех глав книги (а помимо них книга содержит небольшое Предисловие и Заключение) можно рассматривать как до известной степени самостоятельный и отдельный фрагмент исследования по определенной теме.

Сказанное не означает, что книга лишена внутреннего единства или цельности, однако несомненно, что степень связанности отдельных частей неодинакова и что не всё, обсуждающееся в теоретических главах работы, имеет равное значение для описания фактического материала. Перед тем как изложить результаты своих наблюдений над особенностями абстрактных имен (а результаты эти весьма интересны и важны), автор уделяет слишком большое внимание изложению прин-

дипов категориальных грамматик и формальной семантики, в связи с чем конечные цели книги как бы отодвигаются на второй план. Однако и в этих, предваряющих конкретное исследование главах, автор высказывает столько рациональных предложений по описанию языка в сферах грамматики и словообразования, обнаруживает такую эрудицию и затрагивает столько спорных и актуальных проблем современного языкознания, что книга, действительно, выходит далеко за рамки исследования по словообразованию. Вот почему эту монографию — и с большой пользой — можно рекомендовать не только тем, кто занят непосредственно проблемами словообразования, но и тем, кто следит за общим направлением в развитии современной лингвистики и за изменениями, которые наблюдаются в выдвигаемых гипотезах, концепциях, мнениях. Особенно интересна она будет для тех, кто хочет разобраться в проблемах формальной семантики, интенциональной логики в ее применении к описанию естественных языков, и вообще проблемах, связанных с выработкой методов и процедур формализованного лингвистического анализа.

Книга, собственно, и начинается обсуждением этих проблем, ибо после краткого Предисловия следует глава, в которой рассматриваются методы анализа, использовавшиеся при описании процессов деривации в моделях предыдущего периода.

Поскольку, по мнению автора, понимание словообразования и его места в системе языка зависит от структуры рассматриваемого языка, от той общей концепции, которой придерживается исследователь, и, наконец, от понимания процессов деривации, К. Райхль останавливается на разъяснении всех этих пунктов, уделяя особое внимание именно последнему. Ведь отнесение словообразования к грамматике или лексике обуславливается в значительной мере тем, регулярны или же нерегулярны имеющие здесь место процессы [1, 2].

В трактовке деривационных процессов автор видит три возможности. При интерпретации этих процессов как морфологических основной акцент делается на изучении формальных особенностей сцепления морфем. При синтаксической интерпретации рассматривается тип отношений, устанавливаемый между синтаксическими структурами и их преобразованиями. При лексической интерпретации определяются семантические отношения между исходной и результативной единицами деривационного процесса. Иначе говоря, каждый из этих подходов оказывается связанным с ограниченной областью исследования и в целом не может дать адекватной картины наблюдаемых явлений. В связи с этим понятно, почему в описании многих словообразовательных процессов до сих пор продолжают оставаться значительные пробелы. Объективно подчеркивая недостатки и преимущества каждого из указанных подходов, автор намечает уже здесь ту линию сближения позиций трансформационалистов и лексикалистов, которая еще

яснее проступит в завершающих частях книги и которая в дальнейшем позволяет ему примирить те точки зрения, которые в теории словообразования рассматривались долгое время как противопоставленные [3—5].

Завершает этот обзор очень важная в теоретическом отношении формулировка тех проблем, на которые, по мысли автора, должна ответить наука о словообразовании. Если А и Б представляют собой две лексические единицы, из которых вторая производна от первой, теория словообразования должна найти ответы на следующие вопросы: 1) каковы формальные отличия Б от А и с помощью каких морфологических средств создается Б; 2) каковы отношения между А и Б в терминах лексических классов слов (частей речи); 3) существуют ли такие синтаксические конструкции, в которых Б может заменить А и каковы они; 4) каковы семантические отношения между А и Б. При очевидной четкости сформулированных вопросов и их несомненной важности следует сразу же отметить, что теория словообразования не может ограничиться ими: так, в ее компетенции должен, по-видимому, входить и вопрос о том, при каких условиях две лексические единицы могут считаться связанными отношениями словообразовательной производности. Входит сюда же, по нашему убеждению, и вопрос об ономастологической сущности создаваемых производных, т. е. вопрос о том, для чего и с какими целями было создано или создается то или иное обозначение. Можно было бы также говорить о целой серии проблем, возникающих при попытке осмыслить функции словообразовательных средств в тексте и оценить производные с прагматической, или стилистической, или систематизирующей точек зрения. Вполне понятно, однако, что автор хочет подвести нас к мысли о целесообразности использования категориальной грамматики в целях адекватного представления словообразовательных явлений и что аргументы в пользу такого решения явно связаны с указанными выше ограничениями. Так, при образовании абстрактных существительных от прилагательных происходит изменение исходной части речи и, значит, ответ на второй вопрос для этого типа производных весьма существен. Точно так же ответ на четвертый вопрос, с ним тесно связанный, ведет и к решению третьего вопроса. Но все они ставятся и в категориальной грамматике; проблемы лексических классов слов и преобразования одного класса в другой, а также значимости подобных преобразований для создания синтаксических конструкций и предложения составляют ядро этой грамматики. Чтобы показать известную однотипность проблем словообразования и проблем категориальной грамматики, а также, естественно, принципиальную возможность их решения, К. Райхль и переходит в следующей главе книги к подробному изложению особенностей той модели описания языка, которая сложилась к настоящему времени в русле формальной семантики и получила название категориальной грамматики

(у нас она более известна как грамматика Монтегю).

«Стандартная модель» категориальной грамматики восходит, по мнению автора, к «Логическим изысканиям» Э. Гуссерля (1900 г.), но в современной лингвистике представлены и другие варианты «чистой» грамматики. На их описании К. Райхль и останавливается в данной главе. Поскольку в этой части книги автор выступает прежде всего как интерпретатор указанных моделей, в частности, грамматики Р. Монтегю, а также и отклоняющихся от нее в определенных деталях концепциях Д. Льюиса, М. Крессвелла и других представителей формальной семантики (а сложность построений в этих моделях общеизвестна), хочется еще раз отметить здесь способность Райхля изложить достаточно сложные вещи в ясной форме, выделить в анализе всех концепций узловые понятия и решения, остановиться в своем обзоре на том, что действительно существенно для понимания рассматриваемого направления. И хотя освещению принципов категориальной грамматики и грамматики Монтегю теперь уже посвящено изрядное количество публикаций, книга К. Райхля может быть оценена по достоинству и в этом отношении. Так, кажется очень важным, что автор книги пытается показать точки соприкосновения между структурным семантическим описанием (в терминах семантических полей, семантических признаков и даже атомарных предикатов) и формальной семантикой, использующей для семантического описания казалось бы совершенно другие понятия (ср. понятия интерионала и экстенсионала, понятие денотации и референции, подробно разъясняемые Райхлем).

Поскольку изложение того, как понимает К. Райхль те или иные модели и насколько он критичен в их оценке, увело бы нас далеко в сторону, отметим лишь, что автор использует далеко не все понятия категориальной грамматики при анализе своего материала. Нельзя не признать вместе с тем, что ему удается применить в словообразовательном анализе понятие предложения как функциональной динамической единицы, все части которой предназначаются для выполнения определенных логико-семантических и синтаксических ролей при осуществлении ими главной задачи: предсцировать, т. е. сообщить нечто о чем-либо или о ком-либо (ср. с. 91).

Вопросу о сущности категориальных грамматик посвящается собственно и следующая глава книги, носящая заглавие «Словообразование в свете категориальной грамматики». Эта глава, содержащая много глубоких и интересных соображений, объясняет особенности функционального подхода в грамматике и словообразовании. Так как понятия функции и функциональности трактуются в современной лингвистике нетождественным образом (и в этом смысле работу Райхля весьма полезно сравнить с соответствующими главами в монографии Ю. С. Степанова [6] и Н. А. Слюсаревой [7], для понимания позиции автора рецензируемой книги важно иметь в ви-

ду, что для него «функциональный» чаще всего означает «синтаксический» (ср., например, с. 89) или же — в иных терминах — «соответствующий ролям классов слов в составе предложения». Отсюда его внимание к парадигматическим характеристикам слова, к отношениям зависимости и подчинения, преобразованиям исходных функций слова, вообще к категоризации словаря на основе функционального критерия и т. п.

В этой части книги представляется ценным раздел о категоризации прилагательных и четкое противопоставление атрибутивных, предикативных и, адвербиальных функций этого класса слов, что имеет затем прямое отношение к образованию абстрактных имен: они создаются в первую очередь как семантические эквиваленты прилагательным в предикативной функции. Таким образом признаки, обнаруженные при синтаксическом анализе прилагательных [8—10], оказываются релевантными для определения потенциальных словообразовательных возможностей исходного прилагательного. Это представляется мне весьма существенным для формулировки деривационных правил.

Тонкие замечания делает автор и относительно единиц, порожденных, с одной стороны, подлинными синтаксическими процессами, а с другой, процессами словообразования. Ср., например, различия, отмечаемые К. Райхлем при сравнении английских конструкций типа *The duke's park* и *The ducal park*. В итоге такого рассмотрения автор приходит к правильному выводу о том, что «деривация как лексический процесс тесно связана с семантической структурой лексических единиц и не всегда поддается обобщению в той же мере, что и синтаксические процессы» (с. 136). В качестве убедительного примера такой связи приводятся различия в значении, обнаруживаемые у английских прилагательных на *-able*.

Синтез позиций трансформационалиста и лексикалиста, о котором мы уже говорили выше, сказывается и в том, что, указав на чисто лексические особенности словообразовательных правил, автор не отрицает их известной близости и синтаксическим процессам. От последних они отличаются по двум линиям: из-за частичной морфологической нерегулярности и из-за феномена лексикализации производного слова. Нельзя не вспомнить в этой связи о конструктивном тезисе В. В. Виноградова о двуплановости и двойном характере словообразования, выдвинутом им еще в 50-х гг. и предопределившем направление исследований в данной области в советском языкознании. В качестве одного из важнейших тезисов К. Райхль выдвигает положение о том, что в словообразовании связываются воедино синтаксис, семантика и лексикон. Но в советских и зарубежных изданиях этот тезис уже никем, кажется, не оспаривается. Вместе с тем предпринятая К. Райхлем попытка рассмотреть природу лексикализации и морфологических отклонений или ограничений в словообразовательных процессах край-

не необходима. Думается, однако, что особенности синтаксического поведения производных слов, в том числе и абстрактных имен, тоже нуждаются в объяснении на более широком теоретическом фоне.

Несколько слов хочется сказать, наконец, и о том новом, что вносит книга Райхля в описание абстрактных имен (ведь описанию их в разных языках сейчас посвящается столько работ, что в рамках настоящей рецензии их перечислить невозможно). В целом этот класс слов обнаруживает радикальные отличия в своем синтаксическом поведении от всех прочих классов существительных: это проявляется, например, при образовании квантификационных структур, при образовании конструкций с генитивом и т. п. Производные данного класса образуются по двадцати двум типам, выделенным по их деривационной истории и представленным в виде различающихся графов (в представлении последних автор использует методику аппликативной грамматики). Подробно описаны наборы суффиксов, создающих абстрактные имена, а также их возможная комбинаторика с другими суффиксами, включенными в структуру исходной единицы на предыдущих шагах деривации. Интереснее всего описаны именно синтаксические и семантические свойства имен трех классов — общих абстрактных имен, фактитивов и имен качества. Различия их продемонстрированы тонко и убедительно, причем для их выявления используется методика синтаксического перифразирования. Признавая некоторые общие черты в образовании абстрактных имен и сведя все регулярные черты в их создании к серии правил, автор книги не закрывает глаза на существование идиосинкратических черт этих лексических единиц, и уже одно это отличает его от тех ученых, которые пытаются применить к словообразовательному правилу более жесткие критерии и как бы навязать этим явлениям больший схематизм и «правильность».

Подводя общие итоги рецензируемому исследованию, следует отметить, что несмотря на существование известной диспропорции между обзорными и вводно-теоретическими главами книги, с одной стороны, и описанием самого материала, с другой, такая композиция оборачивается скорее преимуществом работы. Она позволяет автору познакомить читателя с историей возникновения и эволюции категориальных грамматик, с ходом развития теории словообразования за рубежом, высказать множество интересных

идей в области семантики и т. д. Но главное — она защищает преимущества функционального подхода как в грамматике, так и в словообразовании. И хотя функциональный подход в понимании автора формулируется лишь в одном из своих вариантов, он все равно приносит свои плодотворные результаты. Книга ясно демонстрирует, что словообразовательные явления не могут быть адекватно поняты и адекватно описаны при одностороннем к ним подходе. Следовательно, функциональный подход предполагает обязательный учет морфологических, морфонологических, синтаксических и семантических характеристик и исследование того, как эти характеристики отражаются на реализации разнообразных функций производных единиц. Эти выводы — частично сформулированные самим К. Райхлем, а частично подпадаемые всем ходом его рассуждений, — и делают его книгу не только интересной, но и полезной широкому кругу лингвистов.

Кубрякова Е. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Plank F. Morphologische (Ir)Regularitäten. Aspekte der Wortstrukturtheorie. Tübingen, 1981.
2. Jackendoff R. Morphological and semantical regularities in the lexicon. — Language, 1975, v. 51, № 3, p. 639.
3. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1982, с. 50 и сл.
4. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе. — ВЯ, 1978, № 6, с. 116.
5. Motsch W. Ein Playdoyer für die Beschreibung von Wortbildungen auf der Grundlage des Lexicons. — In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977, S. 219.
6. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, с. 228 и сл.
7. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981, с. 38 и сл.
8. Bolinger D. Adjectives in English: attribution and predication. — Lingua, 1967, v. 18, № 1.
9. Motsch W. Syntax des deutschen Adjektivs. Berlin, 1971.
10. Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals. — In: Foundations of language, 1967, v. 3, № 1.

Сталтмане В. Э. Латышская антропонимия. Фамилии. — М.: Наука, 1981. 228 с.

Рецензируемая книга представляет собой исчерпывающее исследование одного из пластов латышской антропонимии — латышских фамилий.

Латышская антропонимия, как и антропонимия других балтийских языков, изучена слабо. Начало исследованию латышских фамилий положили труды

Э.Блесе и К. Упелньекса, относящиеся еще к досоветскому периоду. Работа Э. Блесе — это лингвистический анализ дохристианских личных имен латышей, а также фамилий чисто латышского происхождения. В исследовании К. Упелньекса «Uzvardu dosana Vidzemes un Kurzemes zemniekiem» (Рига, 1938) освещает